
И.Г. Коновалова

ОБРАЗЫ ОЙКУМЕНЫ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ГЕОГРАФИИ*

Одну из важнейших особенностей средневековой мусульманской географии традиционно видят в богатстве фактического материала, представленного в сочинениях арабо-персидских ученых. Действительно, мусульманские географы сумели собрать колоссальный объем новой информации о населявших землю народах. Халифат непосредственно граничил либо находился в близком соседстве с теми народами, о которых еще не было данных ни в античной, ни в библейской, ни в иранской традиции (или они были чрезвычайно скудны и неопределенны). Географический горизонт арабо-персидских ученых обнимал не только собственно мусульманские страны, но также всю Европу (за исключением ее крайнего севера), Китай, Тибет, Индию, Малайский архипелаг, берега Восточной Африки (до южного тропика); описание Центральной Африки оставалось непревзойденным вплоть до открытий европейских путешественников XIX в.¹

Однако значение средневековой мусульманской географии заключается не только в гигантском объеме накопленных ею фактических данных, но и в разработке многочисленных способов их репрезентации.

Наиболее общим способом организации пространства у мусульманских ученых была унаследованная от античной науки система деления земной поверхности на широтные зоны-«климаты» (араб. *иклим*), выделявшиеся в зависимости от сравнительной длины светового дня на разной широте. Мусульманские географы усовершенствовали систему, введя дополнительные зоны к северу и югу от

---

* Работа выполнена при финансовом содействии РФФИ (проект № 06-06-80285а).

¹ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.

семи известных в античной традиции климатов, и разделили каждый из них на десять поперечных частей-секций, равных по длине и ширине. При этом термином *иклим* мусульманские географы называли не только греческие «климаты», но и персидские «кишвары» — географические области, которых насчитывалось также семь².

Климаты очень часто рассматривались не просто как астрономическая категория, но как результат коллективной деятельности древних правителей по установлению и обустройству границ обитаемой земли. Одно из таких определений принадлежит группе ученых X в., так называемым «Чистым братьям». Они именовали климатами «воображаемые линии, которые провели первые цари, обошедшие вокруг обитаемой четверти земли, чтобы узнать в ней границы стран, царств и путей, наподобие ал-Искандара ар-Руми ал-Йунани³, химйаритского тубба⁴, Афридуна ан-Набаги⁵, Ардашира ибн Бабакана ал-Фариси⁶, Сулаймана ибн Да'уда ал-Исра'или⁷, да будет над ними обоими мир, и прочих царей»⁸.

Обитателям того или иного климата приписывались определенные телесные качества и черты характера. В отдельных случаях климаты рассматривались как замкнутые области с ярко выраженной этнической доминантой. Так, географ X в. Ибн ал-Факих писал, что из семи климатов «один климат находится в руках арабов, климат — в руках румов⁹, климат — в руках ал-хабаша¹⁰, климат — в руках индийцев, климат — в руках турок, климат — в руках китайцев и климат — в руках Йаджудж и Маджудж¹¹», причем «жители одних климатов не входят в земли других»¹².

Другим способом членения поверхности Земли, использовавшимся мусульманскими учеными, были этногенеологии. Они служили

---

² *Tibbets G.R.* The Beginnings of a Cartographic Tradition // *History of Cartography / Ed. J.B. Harley, D. Woodward.* Chicago; L., 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. 90–107.

³ Александр Македонский.

⁴ *Тубба'* — титул царей Йемена в доисламский период.

⁵ Легендарный иранский царь.

⁶ Ардашир I Сасанид (226–241).

⁷ Библейский царь Соломон.

⁸ Цит. по: Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подг. текстов и пер. В.В. Матвеева, Л.Е. Куббеля. М.; Л., 1960. С. 174.

⁹ Арабское наименование византийцев.

¹⁰ Арабское наименование народов, населявших Северо-Восточную Африку.

¹¹ Библейские народы Гог и Магог.

¹² Цит. по: Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. С. 70.

инструментом, при помощи которого новые знания о неизвестных прежде этносах инкорпорировались в структуру традиционных представлений об ойкумене. Мусульманские этногенеологии на начальном этапе своего формирования опирались, помимо собственно аравийских представлений о легендарных прародителях арабов и о так называемых «исчезнувших народах» (*ад, самуд, джурхум*), на библейский рассказ о разделении Земли между потомками Ноя, к которым возводились генеологии народов ойкумены, и на иранскую мифологическую традицию о разделении Земли между тремя сыновьями Фаридуна.

В своих попытках упорядочить информацию о новых народах, с которыми вступали в контакт жители Халифата, и непротиворечиво включить ее в систему представлений об этнополитической географии мира, мусульманские авторы столкнулись с необходимостью самостоятельно решать, к кому из сыновей Ноя следует возводить тот или иной этнос. В отличие от средневековых европейских и древнерусских книжников, рассматривавших все азиатские народы в качестве потомков Сима, арабо-персидские ученые связывали с Симом лишь часть народов Азии, а именно — жителей Аравии и Ближнего Востока, в то время как другие азиатские этносы они относили к потомству Иафета¹³.

Наряду с климатами и этногенеологиями мусульманские географы использовали религиозно-политический принцип, позволявший не только представить себе всю совокупность стран и народов мира, но и выстроить их иерархию.

Стройная геополитическая картина мира была выработана географами так называемой «классической школы», сформировавшейся в X в. под сильным влиянием персидских традиций. По представлениям географов этой школы, обитаемая земля делилась на четыре царства (*мамлакат*): Халифат, Византию, Китай и Индию. Границы этих государств определялись по религиозному принципу: Халифат объединял мусульманские народы, Византия — христианские, Китай — области тюрок, часть Тибета и других идолопоклонников, Индия — области распространения индуизма и буддизма.

Внутри четырех государств, являвшихся как бы центрами притяжения для прочих стран и народов земли, выстраивалась своя

---

¹³ Подробнее см.: Коновалова И.Г. Функции этногенеологий в средневековых арабо-персидских источниках // ВЕДС. М., 2001. XIII: Генеология как форма исторической памяти. С. 94–99.

иерархия. Византия, Китай и Индия рассматривались исламскими географами не только в качестве столпов мирового порядка, но и отчасти как тот фундамент, на котором вырос Халифат. По словам ал-Истахри, когда появилось исламское государство, «оно у всех государств захватило часть. От государства румов оно захватило Сирию, Египет, Магриб и Андалус; у Индии — то, что примыкает к завоеванным землям, а также Мултан до Кабула и окраин горного Тохаристана; у Китая — Мавараннахр и присоединило к себе эти обширные государства. Государство ислама возросло, собрав к себе окраинные области этих упомянутых государств»¹⁴. Таким образом, по мысли ал-Истахри, Халифат представлял как центр ойкумены.

При характеристике мусульманскими учеными отдельных стран или крупных географических объектов (к примеру, морей) одним из важнейших инструментов презентации информации были маршрутные данные, которые придавали целостность описываемому пространству и порой выстраивались в многозвенные цепочки. Самое яркое воплощение маршрутный принцип получил в записках путешественников и в так называемых «Книгах путей и стран». При этом маршрутные данные, фигурирующие в сочинениях мусульманских авторов, далеко не всегда можно рассматривать как реальные маршруты, которыми можно пройти от начала и до конца именно в такой последовательности, в какой пункты обозначены в источнике. Зачастую приводимые маршруты являлись реконструкцией самих географов, составленной ими по материалам различных информаторов и в силу этого отражавшей реальное физическое пространство очень опосредованно¹⁵.

Другим способом упорядочения пространства являлось создание более или менее устойчивых географических образов какого-либо объекта, а также страны и населявшего ее народа. Для Восточной Европы такими устойчивыми образами стали «остров русов», «три группы русов», «гора Кукайя», «Русская река» и др. Географический образ выполнял двоякую функцию. Он служил воплощением той или иной географической идеи, а также являлся средством описания страны и народа.

---

¹⁴ *Viae regnorum: Descriptio ditonionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. P. 4.*

¹⁵ Многочисленные примеры см.: *Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006.*

К примеру, представление о возможности водным путем пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении воплотилось в гидрониме «Константинопольский пролив», использовавшемся географами «классической школы», карты которых отличались предельным схематизмом. Как показано на этих картах, водный поток близ византийской столицы отделялся от Средиземного моря и шел на север, разделяя земли славян, вплоть до омывавшего всю Землю Окружающего океана. К XII в. образ «Константинопольского пролива» как символа водного сообщения между Севером и Югом Восточной Европы себя исчерпал и трансформировался в представление о «Русской реке», берущей начало на Русском Севере и текущей на юг в Черное море¹⁶.

Еще один подобный топоним — «гора Кукайа». Она изображалась в виде протяженной горной цепи, опоясывающей крайний северо-восток ойкумены и простирающейся до страны Йаджуджа и Маджуджа. Этот ороним служил не столько для обозначения реального, физического пространства, сколько маркировал в сознании читателей заснеженные и недоступные северные края ойкумены¹⁷. Впервые появившись в сочинении ал-Идриси, ороним *Кукайа* удержался в арабской географии и продолжал активно использоваться и в XIII в.¹⁸

Хотя упомянутые мною топонимы «Константинопольский пролив», «Русская река», «гора Кукайа» называют единичные предметы (в представлении арабских географов), их семантическое содержание гораздо шире. Эти топонимы имеют образный концептуальный характер, актуализирующий целый пласт культурно-исторической информации и комплекс различных ассоциаций у той аудитории, к которой обращались географы.

Что касается образов страны и народа, то для Восточной Европы одним из наиболее устойчивых образов было представление об «острове русов», различные версии рассказа о котором дошли до нас в составе сочинений многих арабо-персидских авторов

---

¹⁶ Подробнее см.: Коновалова И.Г. Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал-Идриси) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 6. С. 192–219.

¹⁷ Коновалова И.Г. Ал-Идриси. С. 87, 116, 185–187; Она же. Топоним как концепт // Одиссей. 2007. История как игра метафор: Метафоры истории, общества и политики. М., 2007. С. 212–225.

¹⁸ См., к примеру: *Ibn Sa'īd al-Magribī. Libro de la extensión de la tierra en longitud y latitud* / Edición crítica y notas del Dr. J. Vernet Gines. Tetuan, 1958. P. 131, 137.

X–XVI вв.¹⁹ Собственно географические средства, использованные для создания этого образа, крайне скудны. В наиболее ранней и пространной версии Ибн Русте-Гардизи географическими маркерами, с помощью которых определяется пространственное положение «острова», служат всего-навсего два ойконима — Хазаран (т.е. часть города Итиля) и Булгар. Образы же, задающие внутренние параметры «острова русов», все до одного безымянные: не приводится ни название острова, ни наименование хотя бы одного города, реки или горы, не указывается даже название того моря (или озера), в пределах которого находился «остров». Чуть ли не единственной конкретной подробностью географического плана, относящейся непосредственно к земле русов, является сам термин *джазира* (араб. «остров», «полуостров»).

Изначальная географическая неопределенность сведений об «острове русов» приводит к тому, что современный ученый, исследуя рассказ об этом «острове», зачастую оказывается в плену своих собственных географических ассоциаций, которые и становятся для него путеводной звездой в поисках места на карте для «острова русов». Так, например, указание источников на заболоченную почву и сырой климат «острова» рассматривается как убедительное свидетельство местонахождения этого объекта и в Новгородской земле, и на Тамани, а также в Крыму, Северной Добрудже и на острове Рюген²⁰.

Накопление знаний о русах в мусульманском мире привело к появлению новых географических образов Руси, представленных рассказом о трех территориальных группах русов²¹, а также о русах как совокупности множества народов или племен: «Русы — большой народ, включающий в себя [несколько] разновидностей, среди которых есть вид (*джинс*), называемый ал-Луз‘ана; они самые многочисленные [из всех русов] и часто посещают с торговыми целями страны ал-Андалус, Румиййу и ал-Кустантиййу»²².

---

¹⁹ Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабоперсидских авторов X–XVI вв. // ДГ. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 169–189.

²⁰ Библиографию см.: Коновалова И.Г. Состав рассказа. С. 170–172.

²¹ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ. 1998 г. М., 2000. С. 313–323; Коновалова И.Г. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 216–220.

²² *Maçoudi. Les prairies d’or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863. Т. II. P. 18.*

Несмотря на то, что в мусульманской географической литературе сложилось много жанров, в чистом виде тот или иной способ описания пространства почти никогда не встречается. Исключение составляют лишь *зиджи* — астрономические таблицы, представляющие собой сухой перечень координат различных пунктов. Во всех остальных случаях имеет место соединение разных способов описания. Так, климатический, генеалогический или религиозно-политический принцип деления пространства сопровождается включением в описание маршрутных данных и географических образов, переходящих из сочинения в сочинение на протяжении нескольких столетий.